

Китай и Индия открываются в ожидании Трампа

Чжан Вэйвэй, идеолог китайской исключительности из Фуданьского университета в Шанхае, высмеивает европейских партнёров, обеспокоенных американскими выборами: «*Вы потеряли свою независимость и автономию*». Китай смотрит на американские выборы «*в расслабленной атмосфере и хорошем настроении*». Дракон демонстрирует уверенность.

Ни торговая война Дональда Трампа, ни политика *технологического отрицания*, проводимая Джо Байденом, не смогли подорвать китайские успехи в самых разных отраслях. «Новая тройка»: электромобили, литий-ионные аккумуляторы и солнечные батареи – вытеснила в статьях экспорта «старую тройку»: мебель, одежду и бытовую технику. Пекин может производить два стелс-истребителя «пятого поколения»: Shenyang J-35 и Chengdu J-20, бросая вызов США в азиатском небе. Как *зелёная сверхдержава* Китай переворачивает стратегический смысл энергетического перехода: там, где после кризиса 2008 года старые державы открыли для себя *новый сектор* инвестиций, теперь появился *новый империализм*.

Какой будет китайская политика Трампа? Американские версии варьируются от сценария «*крупного соглашения в экономике или в области безопасности*» с Китаем до сценария крупного кризиса и даже военной конфронтации. По мнению Эвана Медейроса, бывшего помощника Барака Обамы по Азии и главы отдела Китая в Совете национальной безопасности, «*диапазон возможных исходов шире, чем в прошлом*». Уолтер Рассел Мид, чья педагогика в *Wall Street Journal* снова направлена на президента, не исключает нестабильного сочетания китайско-американских соглашений и масштабного перевооружения. Однако, по мнению Медейроса, у Пекина появится ещё больше поводов представить себя в качестве «*защитника глобализации и многосторонности*», поскольку протекционизм и непостоянство Трампа во время первого срока в определённой степени оттолкнули от него тех самых союзников, которые были нужны США для сдерживания Китая. В преддверии нового президентства в Вашингтоне Пекин сделал три шага: в сторону ЕС, в сторону Индии и внутрь самого себя.

Торговый протекционизм и избирательный либеризм

В отношении Европы политическое значение приобретает борьба вокруг тарифов на китайские электромобили, которая на момент написания статьи завершилась переговорами о добровольных минимальных ценах, гарантированных китайской стороной в обмен на приостановку европейских тарифов.

Пекинская пресса рассуждает о возможности того, что торговое перемирие создаст прецедент в отношениях держав. По мнению *Global Times*, «*возможно, что переговоры ознаменуют начало процесса, в котором Китай и Европа используют инновационные правила для решения торговых вопросов на волне промышленной модернизации и трансформации*». Проверяется степень «*стратегической автономии*» ЕС, его «*готовность и способность разрешать торговые споры с Китаем путём диалога в новых условиях глобальной торговли и поддерживать глобальную многостороннюю торговую систему*».

Пекин не делает скидки Европе на то, что она вынуждена начинать переговоры с протекционистских позиций, и обвиняет её в потакании ещё не озвученным директивам с другой стороны Атлантики. Однако он признает заинтересованность Европы в продолжении диалога: здесь Пекина выступает заодно с Германией, не поддерживающей идею тарифов и в настоящее время находящейся в меньшинстве в Европе. По мнению Ван Ивэя из Института Чунъян, цель Европы также заключается в получении инвестиций и технологий через создание *совместных предприятий* и перенос китайских производств в Европу.

Индийская многовекторность в БРИКС

Си Цзиньпин и Нарендра Моди встретились на полях саммита БРИКС в Казани, накануне победы Трампа, санкционировав возобновление китайско-индийских переговоров на высоком уровне и ослабление напряжённости на границе в Ладакхе. Для Индии открытие по отношению к Китаю станет последним элементом концепции многовекторного сотрудничества.

Виджай Гокхал, секретарь по иностранным делам Индии с 2018 по 2020 год, отмечает в *Times of India*, что это не умаляет значения других стратегических партнёрств, в том числе с США; но «если вы не ведёте дела со всеми крупными державами – а Китай является второй экономической и военной державой в мире, – то политике многовекторности чего-то не хватает».

Индия входит как в японо-американскую группировку Quad, так и в китайскую группу БРИКС. По мнению индийского дипломата Т.С. Тирумурти, также опубликованному в *Times of India*, существует «уникальная возможность использовать многовекторность (индийскую) для формирования будущего БРИКС», предлагая нынешним и будущим членам, не желающим вставать на сторону Китая, «гарантию [...] того, что БРИКС не превратится в антизападную группу». В этом свете, вопреки распространённому мнению, Дели может поддержать расширение БРИКС, чтобы ослабить влияние Китая. В любом случае, по мнению Харша В. Панта из Observer Research Foundation (ORF), близкого к министерству иностранных дел, чтобы уравновесить Пекин, Нью-Дели не хочет опираться лишь на отношения с Западом. БРИКС, который до сих пор рассматривался как китайская инициатива, может быть полезным и для Индии с её «глобальной позицией».

Индийская автономия и международный капитал

Global Times призывает азиатского соседа «сохранять стратегическую автономию, удовлетворяя при этом экономические потребности». Индийский слон поддаётся искушению, но не без дискуссий о том, стоит ли открывать свои двери для капиталов Дракона. Газета *Business Standard* из Мумбаи, сторонница открытия, берет интервью у китайского экономиста Джастина Ифу Линя: в Индии много молодых рабочих с низкой зарплатой, и для привлечения капитала ей следует пойти по пути «особых экономических зон». Для Китая поворотным моментом более сорока лет назад стал именно этот «очень прагматичный подход».

С одной стороны, обсуждается, в какой степени Индия может предложить капиталу старых держав второе направление скорее в дополнение к Китаю, а не как альтернативу ему, в соответствии с формулой крупных немецких групп «Китай плюс один».

Арвинд Субраманиан, бывший советник Моды, видит в производственном буме в Тамилнаде модель открытия для международного капитала; но чтобы воспользоваться возможностями «Китай плюс один», Индия должна повторить его в богатом рабочей силой «поясе хинди» на севере. Йорг Волле, представитель логистического гиганта Kühne+Nagel, придерживает коней: в 2023 году основные китайские порты перевезли 192 миллиона контейнеров, в то время как индийские – 15 миллионов. «В настоящее время совершенно нереально, что Индия [...] может заменить Китай». С точки зрения прагматизма крупных групп, инвестиции «в Китай для Китая» преобладают над «Китаем плюс один».

С другой стороны, как утверждает бывший министр иностранных дел (2004–2006) Шьям Саран, «одно из течений мысли среди крупнейших индийских компаний и некоторых секторов экономического истеблишмента правительства» прямо призывает к открытию доступа к китайским инвестициям.

Альтернатива Китаю... зависящая от Китая

В центре внимания оказался экономический обзор правительства: по мнению главного экономического советника (СЕА) В.А. Нагесварана, «чтобы дать импульс индийской обрабатывающей промышленности и включить Индию в глобальную цепочку поставок, неизбежно требуется сделать её частью китайской цепочки поставок», импортируя капитал, а не товары от азиатского конкурента. Однако между экономическими аппаратами и аппаратами национальной безопасности будут существовать различные ориентации, и даже в экономических министерствах пока что преобладают взгляды, связанные с более протекционистскими секторами.

По мнению Сарана, прибегнув к китайским капиталам, Индия поспособствует укреплению глобальной многополярности, но в ущерб азиатской многополярности, то есть закрепит преимущество Китая. Санджая Бару, бывший советник премьер-министра Манмохана Сингха, напротив, считает, что Индия должна использовать китайский капитал так же, как

Китай использовал американский, незаметно укрепляя собственные силы. Эти два мнения характеризуют все индийские дебаты.

Б.В.Р. Субраманьям, глава *NITI Aayog*, правительственного агентства, которое в 2014 году пришло на смену Госплану, развивает мысль экономического советника Нагесварана, призывая Индию рассмотреть возможность присоединения к азиатским соглашениям ВРЭП и ТТП. По мнению Бару, происходят глубокие изменения в индийском политическом балансе. Китайские источники пока иронично отмечают, что стратегия “Сделано в Индии” уже сегодня зависит от компонентов “Сделано в Китае”, а завтра, возможно, и от капиталов.

Фискальная реструктуризация в Пекине

В сентябре – октябре Пекин приступил к мощному монетарному и фискальному маневру, чтобы справиться с «*тремя рисками*», обозначенными Си Цзиньпином в “Эссе о финансовой работе” (Пекин, 2024): финансами сектора недвижимости, долгами провинций и состоянием активов средних региональных банков. Кризис недвижимости и реструктуризация промышленности, сопровождающие исчерпание цикла экспансии, начавшегося в 1978 году, отражаются на неустойчивости долгов, накопленных, с одной стороны, провинциями Жёлтого Китая и Маньчжурии, а с другой – банками. Это открывает политическую и институциональную игру, в которой центр в Пекине и несколько динамичных провинций получают шанс навязать реформистскую линию июльского III пленума: обширную стройплощадку законодательных корректировок и пересмотра исключительных и конкурирующих компетенций между центром и провинциями, начиная с запущенного в сентябре повышения пенсионного возраста и наболевшей темы отмены хукоу, заканчивая реформой налоговых поступлений и расходов на социальное обеспечение и инвестиции.

В центре операции сейчас находится реструктуризация долга, “спрятанного” в финансовых каналах, с помощью которых провинции обходили ограничения центра на выпуск местных долговых обязательств и компенсировали падение доходов от продажи земли. Речь идёт о 12 триллионах юаней (1.660 миллиардов долларов), которые в течение пяти лет будут заменены новыми местными (6 триллионов) и центральными (5 триллионов) выпусками по более низким ставкам и другими мерами. Однако, по мнению *Financial Times*, это позволит погасить лишь пятую часть скрытых долгов.

Китайский градуализм, отражающий внутреннюю диалектику властей, по своей природе должен разочаровать растущие ожидания газеты Сити; но авторитетные голоса, желающие пойти дальше в реструктуризации внутреннего долга, звучали и в Китае. Дэвид Ли Даокуй, директор Центра Китая в мировой экономике при Университете Цинхуа, призвал к реструктуризации местного долга на 40–60 триллионов юаней; Ю Юндин, директор Института мировой политической экономии при Китайской академии общественных наук, приветствовал «*весьма похвальный*» подход правительства, но призвал к выпуску центральных облигаций сроком более десяти лет, которые Центральный банк мог бы купить на вторичном рынке, в рамках «*количественного смягчения с китайской спецификой*», чтобы поддержать реструктуризацию широкими инфраструктурными инвестициями.

Широкая повестка дня III пленума – это открытый фронт, а тем временем Пекин готовится к президентству Трампа.

Ноябрь 2024 г.